

Тем временем в Нинчэне распахнулись четверо ворот, и опустились подъёмные мосты. Цзинь-ван вместе с Вэй Юем и свитой заранее ожидали у рва. Куда бы ни ступал Шэнь Си, повсюду раздавались восторженные возгласы, а поднятое им знамя с грозным иероглифом «Шэнь» для многих стало чуть ли не священным символом, которому хотелось поклониться.

Издали заметив Вэй Юя, стоявшего в толпе с опущенной головой, Шэнь Си расплылся в искренней, как у ребёнка, и сияющей улыбке. Он спрыгнул с коня, бросил лук и меч подоспевшему солдату и в несколько шагов оказался перед Вэй Юем. Его взгляд был сосредоточенным и пылким:

— Болин, прости, что припозднился, тебе пришлось несладко!

Вэй Юй заключил друга в крепкие объятия, а затем, ухватив за плечи, отодвинул на два фута и принялся внимательно разглядывать, в его глазах смешались досада и нежность:

— Ну как? Ты ранен?

Шэнь Си окинул взглядом свою пропитанную кровью одежду и победно ухмыльнулся:

— Это чужая кровь. Во всём Великом Чжоу вряд ли найдётся много людей, способных хоть царапину на мне оставить.

— Ох уж этот сорванец, год не виделись, а гонору и стати прибавилось! — Вэй Юй приложил ладонь к макушке Шэнь Си, то и дело сравнивая с собственной, словно заботливый старший брат, подшучивающий над младшим. Он на время отбросил несвойственную его возрасту рассудительность, и на его обычно бесстрастном лице наконец проступила открытая, неподдельная улыбка.

Поскольку старые друзья давно не виделись, им было о чём поговорить. Цзинь-ван, не желая мешать, терпеливо ожидал в стороне, с любопытством изучая юношу. Шэнь Си нельзя было назвать массивным, но сложен был ладно и крепко: длинные сильные руки, широкая спина — немудрено, что он обладает столь сокрушительной меткостью в стрельбе из лука.

Вэй Юй, всегда отличавшийся деликатностью, заметил, что Шэнь Си увлёкся разговором и совсем забыл о приличиях, поэтому поспешил вмешаться:

— Няньцин, давай продолжим позже, сперва поприветствуй Цзинь-вана.

Только тогда Шэнь Си обратил внимание на стоявшего рядом высокого мужчину. У того были мечевидные брови, пронзительные глаза и волевой нос; чертами лица он на три части походил на Вэй Юя, но в его облике было меньше мягкости и гораздо больше властной решимости. Ходили слухи, что Цзинь-ван Вэй Люй обладает выдающейся внешностью и статью, подобающей сыну императора-основателя, и, как оказалось, молва не лгала.

Осмотрев его, Шэнь Си чётко и коротко сложил руки в приветственном жесте:

— Генерал Шэнь Си приветствует Цзинь-вана.

Видя, что Шэнь Си не желает произнести лишнего слова, а его тон сквозит явным равнодушием, Цзинь-ван невольно подумал: этот черноволосый мальчишка, похоже, ни в грош меня не ставит! Ха-ха, а ведь забавно...

Заметив, что Шэнь Си собирается преклонить колено, ван одним движением откинул полы плаща и придержал его, с полуулыбкой добавив:

— Генералу Шэню не к чему такие формальности. Ты спас мне жизнь, так что можешь обращаться ко мне по имени, как это делает Болин.

Разница в возрасте и статусе была огромной, да и Цзинь-ван приходился Вэй Юю старшим родственником. Несмотря на свою прямоту, Шэнь Си не решился на такую вольность, однако и ответить не знал как, поэтому просто неопределённо улыбнулся, промолчав.

Вэй Юй, тонко чувствующий человека, на пути к замку тихо шепнул Шэнь Си:

— Сяо У, кажется, мой дядя к тебе весьма благосклонен.

Шэнь Си безразлично повёл плечом:

— О? И что мне с того, как он ко мне относится?

Вэй Юй опешил, смерил друга долгим взглядом и, отвернувшись, лишь усмехнулся в ответ.

Тем же вечером в зале ямэня, откуда уже успели убрать гнилые доски, Цзинь-ван устроил праздничный пир в честь победы. За столом собрались все офицеры, кроме тех, кто нёс караул. Шэнь Си вырос в лагере и к светским любезностям не привык: на все попытки Цзинь-вана завязать беседу он отвечал лишь короткими отрывистыми фразами.

Цзинь-ван приказал подать редкое вино хуадяо и лично наполнил чашу Шэнь Си:

— Какую награду хочет получить генерал Шэнь? Не стесняйся, говори прямо. Всё, что в моих силах, я исполню.

Шэнь Си не стал ломаться: принял чашу и залпом осушил её. По нёбу разлился густой аромат, пьянящий до головокружения. Он довольно прищурился, кивнул и снова протянул пустую чашу Цзинь-вану:

— Я простой вояка, Шэнь Си. Мечтаю лишь своим умением прославиться на поле брани, чтобы свершить великие дела, о которых узнают потомки — этого никто другой мне дать не может. Но я бы хотел попросить ваше высочество щедро наградить моих три тысячи воинов. Победа

была бы невозможна без их отваги и самоотверженности.

— Это само собой, — Цзинь-ван махнул рукой, — отдайте приказ: каждого из воинов клана Шэнь щедро одарить! — Видя, что юноша знает толк в хорошем вине, он испытал странное удовлетворение и сам подлил ему ещё. — Скажи, генерал, какой хитростью ты провёл три тысячи человек мимо стольких вражеских постов?

Когда речь зашла о военном деле, Шэнь Си стал куда разговорчивее:

— Войско подобно воде: вода избегает возвышенностей и стремится вниз, так и войско должно избегать сильных мест и атаковать слабые. Мятежники расставили посты на всех дорогах и ущельях, но упустили из виду реку Ухоу. Осенью она обмелела, а берега заросли травой — идеальный путь. Мы заранее избавились от тяжёлых доспехов, облегчили снаряжение, сняли с коней колокольчики и надели на них намордники, чтобы те не шумели. Так под покровом ночи мы проскользнули в тыл вражеского центра и нанесли удар.

Цзинь-ван был впечатлён:

— Столь юн, а уже полон мудрости и отваги. Ты обязательно станешь великим полководцем Великого Чжоу. Даже если не заглядывать далеко вперёд, сегодняшний подвиг уже достоин славы.

Шэнь Си лишь покачал головой:

— В военном трактате сказано: окружая врага, оставь брешь. Нужно дать им надежду, чтобы они метались между бегством и обороной, и вот тогда-то и нанести удар. А брать город в мёртвое кольцо — стратегия плохая: у людей не остаётся иного выбора, кроме как сражаться насмерть. Моя победа — чистая случайность, просто вражеский военачальник оказался бездарностью, хвастаться тут нечем.

Цзинь-ван приподнял бровь и рассмеялся. Этот юный генерал... слишком уж он высокомерен.

К середине пира атмосфера потеплела, военачальники перестали стесняться и один за другим потянулись к Шэнь Си, чтобы поблагодарить за спасение.

Краснолицый здоровяк Юйчи Шэн, сидевший рядом с Вэй Юем, подошёл к Шэнь Си с чашей в руках:

— Генерал Шэнь, Юйчи Шэн просит вас выпить. Я никогда не забуду, что обязан вам жизнью. Если когда-нибудь вам понадобится помощь, я не пощажу ни крови, ни головы!

Шэнь Си поспешно поклонился в ответ:

— Вы слишком добры, брат Юйчи.

Белоснежный мужчина с аккуратными усиками, стоявший за спиной Цзинь-вана, тоже выступил вперёд:

— Я Гу Чжоцзы, советник в доме Цзинь-вана. Благодарю вас за спасение, генерал. Позвольте выразить свою признательность этой чашей вина.

Шэнь Си не стал отказывать и решительно осушил чашу до дна. Его взгляд случайно упал на костяную флейту, висевшую на поясе Гу Чжоцзы, и он удивлённо спросил:

— Брат Гу, вы человек учёный, неужели умеете играть на флейте цзянь?

Гу Чжоцзы украдкой взглянул на Цзинь-вана, пытаясь угадать мысли своего господина, и предложил:

— Не ожидал, что генерал понимает толк в музыке. Раз так, позвольте мне показать своё скромное искусство и исполнить мелодию для всех вас. Во славу того, что мы пережили это бедствие, и в честь блистательной победы генерала Шэня!

Вскоре над залом полились высокие, печальные звуки флейты. Цзинь-ван воспользовался моментом и предложил:

— Раз уж у нас есть музыка, как же без танца? Сегодня генерал Шэнь одним ударом меча поверг вражеского военачальника. Его искусство поразило всех. Не желает ли юный генерал продемонстрировать нам владение мечом, чтобы поддержать хмельное настроение?

Никто не ожидал, что Шэнь Си фыркнет и прямо откажет Цзинь-вану:

— Мой меч — не игрушка для увеселения публики, это меч, который обагрён кровью на поле брани.

С этими словами он резко выхватил клинок и направил его прямо на Цзинь-вана. Цзинь-ван внезапно почувствовал, как его обдало могильным холодом, а кровь застыла в жилах. Острие замерло в дюйме от его горла, но ему показалось, что он уже обезглавлен и лишён жизни, настолько он оцепенел. Лишь спустя долгое время он смог прийти в себя.

В зале воцарилась паника. Телохранители бросились к Цзинь-вану, закрывая его собой, другие вскочили на ноги, готовые скрутить Шэнь Си; на него отовсюду были направлены мечи.

Вэй Юй в испуге крикнул:

— Няньцин, не будь груб! — Затем он повернулся к Цзинь-вану: — Дядя, не судите строго. Няньцин ещё мальчишка, да и перебрал лишнего, он вовсе не хотел вас обидеть...

— Ха-ха-ха, пустяки, пустяки. — Цзинь-ван махнул рукой, отгоняя стражу, и, казалось, ничуть не рассердился. Он с любопытством спросил Шэнь Си: — Меч и впрямь удивительный. В чём его секрет?

Шэнь Си одной рукой мастерски крутанул меч и с лязгом вложил его в ножны:

— Это обычный безымянный меч, выкованный деревенским кузнецом, ничего особенного. На самом деле, не нужно никакой волшебной стали, даже приёмы — лишь форма. Всё зависит от того, кто держит клинок. Мы в клане Шэнь постигаем мастерство в реальном бою: нам не важна техника, нам важно одним ударом убить врага.

Цзинь-ван взял меч, чтобы осмотреть его получше. Действительно: тяжёлый клинок, простые ножны, на рукояти ни камней, ни украшений. Выглядит невзрачно, даже бедно.

Шэнь Си, словно прочитав его мысли, добавил:

— Разве драгоценности делают меч лучше? Для клинка лучшее украшение — это души поверженных врагов. Есть предание о древнем мече Тай-э, который впитывает незримое дыхание меча со всего света. В руках обычного человека он будет обычным, но в руках героя обретёт мощь, способную сокрушить всё на пути. Вот в чём истинный дух меча.

Цзинь-ван услышал это, снова посмотрел на оружие, а затем многозначительно перевёл взгляд на Шэнь Си. Он тихо рассмеялся, улыбка его была загадочной.

Ночь сгущалась. Большинство гостей были мертвы пьяны: кто-то дремал, кто-то повалился прямо на пол, повсюду раздавался храп и бессвязное бормотание.

Вэй Юй все эти дни разрывался между тревогой за город и опасениями, что Цзинь-ван затеет какую-нибудь интригу. Он был измотан до предела, и теперь, когда напряжение спало, алкоголь взял своё — он уронил голову на стол. Шэнь Си снял свой плащ, бережно укрыл им плечи друга и остался сидеть в одиночестве, потягивая вино из кувшина.

Увидев, что кувшин Шэнь Си пуст, Цзинь-ван пододвинул ему свой:

— Генерал Шэнь — человек широкой души. Сколько ни пей — всё нипочём.

Шэнь Си добродушно усмехнулся:

— Жизнь коротка, нужно брать от неё всё. Вы ведь знаете, что я нарушил императорский указ и военный устав, чтобы прийти сюда. Завтра меня ждёт суровое наказание, возможно, я даже лишусь головы. Если не веселиться сейчас, разве я не буду жалеть потом?

Вспомнив об указе маленького императора, направленном на то, чтобы устранить его, Цзинь-ван на мгновение опустил глаза и вздохнул:

— Слышал, старый генерал Шэнь держит войска в ежовых рукавицах. Тебе там придётся несладко...

Шэнь Си допил вино из кувшина Цзинь-вана, перевернул его, вытряхнув последнюю каплю, и удовлетворённо утёр губы тыльной стороной ладони:

— Зато битва выиграна, люди спасены, вино выпито. Жив я завтра буду или мёртв — по крайней мере, я ни о чём не жалею.

Цзинь-ван нахмурился:

— Если ты знаешь, что наказания не избежать, зачем тогда пришёл?

Шэнь Си небрежно дёрнул плечом:

— Зачем пришёл? Если бы я не пришёл, Нинчэн бы пал. Не только вы, ваше высочество, встретили бы свою смерть, но и воины с жителями города погибли бы. — Он посмотрел на спящего неподалёку Вэй Юя и с грустной улыбкой добавил: — Одна жизнь в обмен на тысячи — вполне выгодная сделка.

Дождь шёл всю ночь. С рассветом Шэнь Си встал, привёл в порядок одежду, с тоской взглянул на всё ещё спящего Вэй Юя и, поправив на нём плащ, вышел из зала. Он передал своих солдат заместителю, приказав дать им день отдыха, и, не оглядываясь, пустился в путь в одиночку.

Цзинь-ван стоял у окна, скрестив руки за спиной, и смотрел на одинокую фигуру, исчезающую в пелене дождя. Его охватило странное чувство потери и печали.

Походив туда-сюда, он решительно скомандовал:

— Гу Чжоцзы, передай приказ:двигаемся сегодня после полудня. — Видя, что его белоснежный советник стоит на месте, он добавил: — Мы возвращаемся в Цзиньюань, но... «проездом» через Ичжоу.

Чуть погодя он с улыбкой пробормотал себе под нос:

— Генерал Дракона и Тигра Шэнь Вэй? Хорошо, я сам отправлюсь навестить этого железного старого генерала.

В девятом месяце в Нинчэне стояли лютые холода, однако Гу Чжоцзы с важным видом обмахивался веером из перьев. Услышав о возвращении в Цзиньюань, он с тревогой заметил:

— Но война на Ляодуне...

Цзинь-ван, откинув полы плаща, уверенно сел в кресло:

— Как я выгляжу?

Гу Чжоцзы замялся, но тут же понял скрытый смысл и с наигранной скорбью ответил:

— Ваше высочество были заперты в осаде более трёх месяцев, из-за чего страдали бессонницей и отсутствием аппетита. Вы измотаны и тяжело больны, едва можете передвигаться — как же вы можете отправиться на Ляодун для надзора за войной?

Цзинь-ван одобрительно кивнул:

— Мало того, я неизлечимо болен и при смерти. Эту радостную весть нужно как можно скорее донести до маленького императора, чтобы он потешился.

Гу Чжоцзы был первым советником Цзинь-вана и мастером угадывать его мысли. Ван не хочет ехать на Ляодун, боясь попасть в ловушку, а этот «проезд» через Ичжоу — явно не из желания просто навестить земли. Цзинь-ван — человек высокородный, и кое-какие вещи ему неудобно озвучивать вслух, здесь-то и нужен такой, как он. Гу Чжоцзы взмахнул веером:

— Ваше высочество, у меня есть вопрос, не знаю, стоит ли говорить...

Цзинь-ван закатил глаза: «Опять эта их манера, как же раздражает эта душная учёность!» Он отослал слуг и с напускным терпением ответил:

— Говори, А-Юань.

Гу Чжоцзы убедился, что вокруг никого нет, прикрыл окна и понизил голос:

— С момента воцарения маленький император всегда боялся нашего дома, но раньше действовал тайно. В этот раз он изменил тактику, открыто запретив помощь Нинчэну — он явно хочет вашей смерти. Причина ясна: двадцатитысячная армия Шэнь Вэя в Ифувэе — его главный козырь, а наместник левой армии Гу Минчжан — доверенное лицо. Имея такую поддержку, император чувствует себя безнаказанно.

— Увы, это правда, — Цзинь-ван нахмурился, — и какой же у тебя план?

— Сейчас вашему высочеству нужно сделать три вещи... — Гу Чжоцзы погладил пальцами короткие усики. — Первое: Шэнь Вэй и Гу Минчжан всегда недолюбливали друг друга, мы можем внести раздор, чтобы они не смогли выступить единым фронтом. Второе: раз переманить Гу Минчжана не удалось, можно попытаться сблизиться с Шэнь Вэем. Даже если это будет ложью, сам вид союза напугает императора. Третье: Шэнь Вэй прям и неподкупен, его не купить, нужно бить в слабое место. И как раз сейчас одно такое слабое место само пришло к нам в руки...

Цзинь-ван слегка улыбнулся:

— Ты имеешь в виду... Шэнь Няньцина?

Гу Чжоцзы продолжил свою игру:

— Моё скромное предложение: сделайте его своим приёмным сыном. Это обеспечит ему безопасность, вызовет его благодарность и позволит через него управлять Шэнь Вэем. А император увидит, что связь между вами и кланом Шэнь очень крепка. Три зайца одним выстрелом.

То, что сказал Гу Чжоцзы, полностью совпадало с мыслями самого Цзинь-вана.

Как только в Великом Чжоу наступят мирные времена, маленький император первым делом избавится от своего дяди. Шэнь Вэй силен в бою, а Гу Минчжан умеет льстить и заискивать — если они столкнутся лбами, это вызовет бурю при дворе. И тогда, пока они будут заняты борьбой друг с другом, у них не будет времени беспокоиться о Цзинь-ване.

Цзинь-ван рассмеялся:

— А-Юань, если ты предлагаешь такой план, значит, у тебя уже есть козыри в рукаве?

Гу Чжоцзы сложил веер:

— Ваше высочество проницательны. Недавно я узнал: Хо Дуань, перешедший на сторону мятежников, — земляк Шэнь Вэя, они давно общаются, а невестка Хо Дуаня — дальняя племянница госпожи Шэнь. Если Хо Дуань напишет письмо Шэнь Вэю с призывом к восстанию, и это письмо попадёт в руки Гу Минчжана, думается, тот не упустит случая помучить старого генерала.

— Нет, нет и нет... — Цзинь-ван покачал головой. — Мой племянник-император слишком подозрителен. Если в письме будет прямо сказано о восстании, он не поверит. Нужно что-то повседневное, личное — это будет выглядеть правдивее. Пусть он сам додумает остальное, это эффективнее наших слов.

Если в письме будет слово «восстание», обратного пути не будет. Цзинь-ван хотел использовать Шэнь Вэя для защиты, а не губить весь его клан — в конце концов, его сын только что спас ему жизнь. А что до Гу Минчжана, то он не волновался: Вэй Юй и Шэнь Си очень дружны, а брат Вэй Юя — Вэй Цянь — любимчик императора, так что Гу Минчжан не сможет сделать ничего скрытно.

Гу Чжоцзы закивал:

— Мудрость вашего высочества непревзойдённа.

Гу Чжоцзы был по-настоящему умен и знал, что иногда нужно притворяться не таким уж и умным. Он предлагал девять частей плана, оставляя одну, чтобы ван мог проявить себя — это и возвышало господина, и не делало советника «умнее» его.

Лесть — тоже наука. Гу Чжоцзы похвалил его так тонко и умело, что Цзинь-ван остался доволен:

— Хорошо, довольно разговоров. Пошлите гонцов в Ичжоу, пусть разузнают всё как следует...

В Ифувэе, что в шестистах ли от Нинчэна, едва Шэнь Си успел вернуться в лагерь, его тут же скрутили, связали и, словно свёрток, бросили на землю в штабной палатке.

Его отец, Шэнь Вэй, склонился над бумагами, а старшие братья стояли рядом, опустив головы. Третий брат всё пытался подать ему знаки глазами: мол, отец в ярости, будь осторожен.

Услышав шум, Шэнь Вэй, не поднимая головы, сухо спросил:

— Блудный сын Шэнь Си доставлен?

Не дожидаясь ответа стражи, Шэнь Си прямо ответил:

— Да, я вернулся, чтобы понести наказание.

От этого дерзкого тона Шэнь Вэй пришёл в ещё большую ярость, схватил со стола чернильницу и швырнул её в сына.

<http://bllate.org/book/21936/2279013>